«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает «Однажды…»

Для многих людей стационарные помещения с запахом лекарств, длинные штативы с капельницами, воткнутыми в бутылки с бесцветной жидкостью, колбы и мензурки с анализами, взятыми из разных частей организма, вызывают неприятные ощущения и непременно ассоциируются с болью. В детстве я была не исключением, одно только слово «больница» ввергало мою душу в ужас. Я росла болезненным ребенком, всё время «цепляла» какие-то инфекции, которые частенько были причинами моей госпитализации. Но со временем я всерьез увлеклась анатомией человеческого тела и навсегда связала свою жизнь с медициной.

Я была поздним и единственным ребенком у мамы, которая никогда не была замужем и всю жизнь прожила со своими родителями. Бабушка с дедушкой вступили в брак, будучи целомудренными влюбленными. Алкоголь они почти не употребляли, не курили и не сквернословили, вечера проводили в компании увлекательных книг и представить себе не могли, что, заканчивая десятый класс, их единственное чадо вместо естественных наук всерьез увлечется соседом по парте.

Одноклассники тщательно скрывали свой роман, однако вскоре нездоровый вид и утренняя тошнота юной выпускницы привлекли внимание её родителей. Нежелательная беременность несовершеннолетней девушки привела к грандиозному скандалу в семье, но по настоянию родителей неопытного героя-любовника было принято решение «сор из избы не выносить». Обеспеченная семья несостоявшегося жениха нашла нужного доктора, оплатила все необходимые манипуляции и лечение молодой девушки. Тяжелые последствия аборта, длинные нудные назидания прагматичных и всезнающих родителей оттолкнули влюбленных друг от друга, окончательно уничтожив их неокрепшие чувства. На фотографиях с выпускного бала лица вчерашних школьников освещала радостная улыбка, только одна девушка на всех снимках выглядела немного старше остальных и производила впечатление глубоко несчастного человека. Свое сердце она заперла в чулан, а себя заставила сосредоточиться на образовании и будущей карьере.

Успешно окончив педагогический институт, молодая учительница устроилась работать в школу, чтобы преподавать уроки русского языка и литературы. Родители радовались прилежному поведению дочери, гордились её успехами, но после празднования тридцатилетия забили тревогу. Бесконечные смотрины, якобы случайные встречи с холостыми сыновьями подруг и друзей родителей выматывали огрубевшую от

одиночества молодую женщину. В доме начались скандалы, после которых перемирие наступало спустя месяцы.

Когда учительнице исполнилось тридцать восемь лет, родители перестали пытать её расспросами о личной жизни и сроках появления долгожданных внуков. К тому времени немолодая пара приобрела целый букет хронических заболеваний, который требовал постоянного и пристального внимания со стороны врачей. Они увлеклись дыхательной гимнастикой, стали посещать бассейн, записались в театральный кружок для пенсионеров и окончательно смирились с мыслью о том, что никогда не станут носить почетное звание бабушки и дедушки.

Накануне своего тридцатидевятилетия женщина решила съездить в солнечный город Сочи. Она забронировала номер в гостинице с видом на море и решила посетить все популярные экскурсии этого волшебного места, но в кафе напротив встретила талантливого поэта и влюбилась в него без памяти. Молодой томный обладатель загорелого тела, бархатистого голоса и необычного имени Иннокентий поведал незнакомке о своем разбитом сердце, несчастной судьбе и творческом кризисе. Несколько вечеров подряд он читал ей стихи собственного сочинения, восхищался душевной красотой этой богини литературы, но, ссылаясь на временное безденежье, счета в кафе никогда не оплачивал. После нескольких страстных ночей поэт сочинил оду в честь своей музы, пообещал любить её всю жизнь, но вскоре испарился, прихватив с собой содержимое кошелька и золотой браслет влюбленной женщины. Резкое исчезновение Иннокентия всерьез испугало впечатлительную учительницу. Бегая по разным кафе в поисках своего творческого человека, она рисовала себе страшные картины несчастного случая, который, возможно, случился с ним. Когда страх сменился отчаянием, она обратилась за помощью в милицию, но вместо слов поддержки услышала лишь призыв написать заявление о краже вещей для поимки альфонса. Гадкие обвинения в адрес лучшего мужчины на свете были невыносимыми, учительница растерялась, на минуту ей показалось, будто браслет она потеряла сама, а деньги потратила в ресторане. Покраснев от стыда и досады, немолодая, некрасивая и несчастная туристка покинула милицейское отделение и отправилась к себе в гостиницу, чтобы всё время до конца отпуска провести в слезах и отчаянии…

Разбитое сердце снова ныло, как двадцать с лишним лет назад, всё вокруг опять приобрело серые безжизненные оттенки, не хотелось жить, но вскоре учительница узнала, что ждет ребенка от своего потрясающего Иннокентия. Её родители, как и прежде, требовали объяснений случайной связи безнравственной дочери, сокрушались о приобретении нового статуса матери-одиночки, но будущая мать на упреки родителей не реагировала, потому что теперь нашла настоящий смысл своей жизни.

Учитывая возраст и прочие сложности, беременность проходила очень тяжело, все девять месяцев мама не вставала с постели, иногда меняя свою кровать на больничную койку. Мучительные роды длились несколько суток и в итоге закончились операцией, которая прошла с осложнениями для измученной женщины. Из роддома меня выписали домой, маму перевели в терапию с почечной недостаточностью. С тех пор лекарства, анализы и стационары стали частью нашей жизни.

Когда мне исполнилось десять лет, из жизни ушли мои бабушка и дедушка. После окончания школы я потеряла маму и осталась круглой сиротой. С раннего детства мне приходилось осваивать навыки медицинской сестры и разбираться в лекарствах, поэтому выбор профессии был для меня очевиден. Единственным учебным заведением в этом направлении было медицинское училище, в которое я поступила с невероятной легкостью.

Теоретическая часть моего образовательного процесса давалась мне со сложностями, но практику я осваивала на лету. Я лучше всех справлялась с поиском вены у резиновых манекенов, готовила растворы для инъекций в нужной пропорции, накладывала самые красивые швы, за что была любимицей у преподавателей, которые к тому же являлись практикующими врачами.

Для прохождения преддипломной практики меня направили в неврологическое отделение, чему я была очень рада. В училище нам рассказывали, что неврология является самым «чистым» местом для медицинской сестры. Там не было плановых или экстренных операций, исход которых не всегда предсказуем, пациенты в основном ложились, чтобы подлечить хронические болезни, всюду царил доброжелательный настрой персонала, благостную картину усиливали подарки от благодарных больных. Однако на деле получилось иначе. Измученные мужчины и женщины, перенесшие инсульты, выжившие после тяжелейших аварий или несчастных случаев, производили гнетущее впечатление.

Однажды к нам поступила девушка моего возраста, которая вместе с возлюбленным попала в аварию. Парень остался живым и невредимым, а девушка после перелома позвоночника снова училась ходить, говорить и даже просто держать ложку. Делая внутривенные уколы, я не могла даже посмотреть в её глаза, всегда наполненные горечью и слезами. Вместо приветствия, она мычала в ответ, и всё время мотала головой, протестуя против очередной порции боли, которую приносили мои визиты.

Девушка лежала вместе с мамой, бодрой женщиной, которая никогда не унывала, и только изредка приходила ко мне в процедурный кабинет, чтобы выпить сердечных лекарств и немного поплакать.

Когда умерли мои близкие, я считала себя самым несчастным человеком, но после встречи с этой израненной сверстницей поняла, что напрасно гневлю Высшие силы за свою судьбу.

Следующим потрясением стала встреча с бывшим боксером, который к шестидесяти годам пережил четыре инсульта. Он не говорил, передвигался с огромным трудом и всё время тряс своей немолодой головой, но всегда находился в окружении заботливой и ласковой красотки. Сначала я думала, что посетительница приходится дочерью пациента, но молодая женщина представилась законной супругой и объяснила, что на больничной койке лежал когда-то сильный, успешный и очень благородный спортсмен. Она с такой нежностью рассказывала о своем возлюбленном, их неожиданном знакомстве и совместной жизни, которая длилась около двадцати лет. Женщина была убеждена, что в этот раз реабилитация должна дать прекрасный эффект, но в последний день моей практики в отделении боксер умер на моих руках, навсегда оставив воспоминания о своих голубых и очень живых глазах, которые были красноречивее любых слов.

Заведующая неврологическим отделением долго уговаривала меня вернуться к ней на работу, хвалила за расторопность и ответственность, объясняла про неизбежные потери людей в любом отделении, однако неприятные воспоминания были убедительнее любых объяснений. После получения долгожданного диплома я устроилась работать в отделение, где лечились исключительно женщины. Пациентки гинекологического отделения, в отличие от неврологии, обладали памятью, речью, умением ходить и держать ложку, но вскоре я поняла, что эти качества вместо помощи создают огромные трудности в моей работе.

Первые минуты трудового дня окунули меня в атмосферу сумасшедшего дома. Придя в отделение раньше положенного времени, я застала нескольких женщин в предбаннике больницы. Немолодые особы говорили на повышенных тонах и пытались доказать друг другу своё превосходство, а также необходимость раньше других попасть в стационар. Я попыталась успокоить будущих пациенток, но разгневанные женщины принялись кричать на меня, угрожая жалобами на имя главного врача. На крик вышла взрослая женщина в белом халате, посмотрела на скандалисток и скомандовала быстро успокоиться и замолчать, потом посмотрела на меня, спросила фамилию и предложила

зайти вовнутрь. Я немного растерялась, но перешагнула порог приемного покоя. Женщина представилась Светланой Ивановной и объяснила, что я попала в её распоряжение. Передо мной стояла легендарная личность, о которой я много раз слышала, когда получала образование в училище. Сильная, целеустремленная женщина из обыкновенной медицинской сестры стала потрясающим хирургом, на счету которой было огромное количество спасенных женских судеб и жизней. Коллеги из других отделений предупреждали меня о её непростом характере, но все в унисон утверждали, что, если я понравлюсь этому достойному врачу, – лучшего наставника мне не найти.

Светлана Ивановна провела меня в сестринский кабинет и предложила переодеться. Облачившись в новенький медицинский костюмчик лавандового цвета, купленного по случаю получения места работы, я отправилась вслед за врачом. Как только мы пошли по коридору, из палат стали выползать женщины с перекошенными от боли лицами и требовать молниеносной реакции на их жалобы. Хирург отвечала быстро и достаточно резко, но, видя мой удивленный вид, объяснила: «С нашими «мадамами» мямлить и сюсюкаться нельзя – сядут на голову». Потом рассказала про распорядок дня и направила меня в ординаторскую, чтобы принять участие в пятиминутке-совещании, которое проводилось каждое утро в присутствии всего медицинского персонала отделения.

Заведующая гинекологией представила меня коллективу и предложила обсудить происшествия за ночь и планы на день. Старшая медицинская сестра рассказала об утренней температуре пациентов, дежурный врач сообщила о поступлении экстренных больных в ночное время. Был оглашен список женщин, которые должны были быть прооперированы в этот день, медицинские сестры получили все необходимые рекомендации и поручения. Обыкновенное совещание прошло в штатном режиме, но мне показалось, что все были почему-то напряжены.

Со временем я познакомилась со всем коллективом, узнала особенности характера каждой женщины нашего «бабьего царства» (так Светлана Ивановна называла наше отделение) и поняла, что попала в сообщество людей, которое никогда не станет одной большой семьей. Подруг я здесь приобрести не смогла, но при встрече улыбалась и старалась быть доброжелательной. Мое ответственное отношение к работе привлекло внимание Светланы Ивановны. Вскоре она стала предлагать вместе попить чай, чтобы передохнуть в тишине после операции или рассказать историю из своей огромной медицинской практики. Доктор при всех звала меня по имени отчеству, но наедине позволяла говорить мне ТЫ. Если я допускала оплошность или не успевала выполнить важное поручение, сразу отхватывала внушительную порцию слов-наставлений, от которых сердце уходило в пятки. Светлана Ивановна никогда не повышала голос, но словом, а иногда одним взглядом могла «расстрелять» на месте. Молодым врачам и

возрастным медицинским сестрам не нравились претензии опытного хирурга. По их мнению, справедливые замечания Светланы Ивановны были всего лишь придирками, но для меня опытная наставница была источником новых знаний и навыков, за которые я была ей очень благодарна.

Одновременно в нашем отделении находилось около тридцати пациенток, в среднем каждая из них лечилась не более пяти рабочих дней. Этот «водоворот» женщин в отделении не позволял запоминать их имена, медицинские сестры делились впечатлениями о больных по номеру палаты и отмеченным особенностям. При разговоре это звучало примерно так: «Противной старухе из восьмой палаты снова понадобились обезболивающие», «Носатая с родинкой на подбородке из третей палаты требует витамины», «Толстая с татухой на руке из седьмой отказалась пить таблетки и опять забила общий холодильник кремами для лица». Со стороны наши разговоры о пациентках носили не очень уважительный характер, но «бабье царство» изменить было невозможно. Спустя год работы в отделении я перестала напрягать память чужими именами и тоже научилась запоминать женщин по особенностям их внешнего вида. Когда к нам в отделение поступила Инна Горн, её тут же прозвали «блатная с красными кудрями». Помимо общих палат, у нас было помещение, оборудованное для двух пациенток. Там появлялись женщины, которые обладали связями в определенных кругах и нуждались в уединении и тишине. Пациенток из этой палаты было принято называть блатными, от них традиционно поступало больше всех претензий, поэтому в отделении медицинские сестры их ненавидели и неохотно шли на контакт с ними. Кудри пациентке были даны от природы, красный цвет – от стилиста….

Мне нужно было взять кровь на анализы у новой пациентки, поэтому сразу после появления в отделении я увидела носителя этого прозвища. Женщина лет сорока поступила к нам по скорой помощи, было видно, что боль доставляла ей страдания, но она держалась очень достойно и улыбалась. После неприятных манипуляций она назвала меня волшебницей и медленно направилась на сестринский пост, где её ждали наши самые задиристые медицинские сестры. Они через губу объяснили местонахождение «крутой» палаты и, не глядя на пациентку, продолжили травить анекдоты, услышанные в автобусе. Инна попыталась взять сумку, чтобы пройти к себе, но в коридоре послышались быстрые и мелкие шаги Светланы Ивановны, которая запретила ей поднимать тяжести. Сама проводила женщину в палату, а когда вернулась, высказалась о бездушном отношении к больной. Когда хирург скрылась в ординаторской, мои коллеги еще долго шипели на врача, объясняя друг другу свое предназначение здесь и нежелание таскать чужие шмотки. Через полчаса я отправилась к Инне, чтобы поставить капельницу, назначенную врачом. Женщина радостно встретила меня и попросила посидеть с ней немного, чтобы понять реакцию организма на лекарства. Мне не хотелось задерживаться рядом с ней, но препарат действительно мог вызвать негативные последствия, поэтому мне пришлось остаться.

Инна предложила присесть рядом и рассказать о том, где я купила такой красивый чепчик с изображением птиц и почему на моей руке нет обручального кольца. Таких откровенных разговоров я давно ни с кем не вела, поэтому сначала даже немного смутилась. Женщина улыбнулась и предложила не стесняться. Рассказ о чепчике был самым простым, но говорить об отсутствии кольца было очень сложно.

В моей жизни случались влюбленности, но после окончания медицинского училища я не подпускала мужчин в свою жизнь – была слишком увлечена работой. Инна спросила про маму, слезы невольно побежали из моих глаз. Пациентка стала извиняться за свою бестактность, а потом объяснила, что тоже давно сирота. Она вырастила дочь, но до сих пор скучала по самому родному человеку на свете. Пока Инна с легкостью выведывала секреты моей души, лекарства в бутылке с капельницей закончились. Она поблагодарила меня за компанию, нежно погладила меня по руке и предложила завтра поболтать о планах на жизнь. Я взяла штатив и отправилась в процедурный кабинет. Внимательные коллеги увидели следы слез на моих глазах и предположили, что произошел грубый «наезд» со стороны «блатной с красными кудрями». Я объяснила, что Инна здесь ни при чём, всему виной были воспоминания об ушедшей маме, но мои слова остались без внимания, поскольку пациентке уже приписали качества наглой хамки.

После окончания рабочего дня я отправилась домой и долго не могла определиться, о чём на следующий день говорить с Инной, ведь у меня не было никаких планов на жизнь. Я понимала, что не хочу стать врачом или косметологом, потому что боюсь ответственности за чужое здоровье и жизнь, не мечтаю до пенсии проработать в гинекологии, поскольку чувствую усталость от этой категории больных, не ищу другую работу и не стремлюсь к переменам в личной жизни. Раз в неделю по привычке я убиралась в большой квартире, стирала одежду, иногда ездила на кладбище, чтобы проведать родных. Все мои выходные протекали буднично и однообразно.

Я осознала, что с годами всё больше становлюсь похожей на свою маму, которая могла бы жить полной жизнью, любить и быть любимой, но добровольно заточила себя в «монастырь», в котором умерла от старости и одиночества, оставив мне его в наследство. Устав от горьких и досадных мыслей, я достала бутылку белого сухого вина, нарезала немного закуски и решила обыкновенным способом отогнать от себя вдруг навалившуюся тоску, но сделав несколько больших глотков, окончательно расклеилась и разрыдалась в голос. Добравшись по кровати, я свернулась на постели калачиком и вскоре заснула.

Ночью мой сон потревожил резкий стук в дверь. Я посмотрела в дверной глазок и увидела удостоверение полицейского. Закутавшись в плед, я открыла дверь и спросила, в чём дело. Молодой мужчина, одетый в форму, попросил войти в квартиру. Я немного растерялась, но спорить с правоохранителем не стала. Мужчина представился капитаном Акинезовым. Я улыбнулась и отметила его странную фамилию, ведь в медицинской терминологии понятие «акинез» означает отсутствие активных движений. Капитан ухмыльнулся и сказал, что фамилия досталась ему от отца, который никогда не имел отношения к медицине. Мужчина спросил, с кем я проживаю и после получения ответа перешел к объяснению причины своего визита. Оказалось, пока я жалела себя и старалась найти покой в мире снов, мой сосед снизу снова жестоко избил свою супругу. Женщина вызвала полицию, представитель которой пытался разузнать подробности жизни неблагополучного семейства, проживающего этажом ниже. Я объяснила, что рано ухожу на работу, а когда возвращаюсь, стараюсь ни с кем из соседей не поддерживать отношения. Про скандалы двух пьяниц слышала, но предпочитала не лезть в чужую жизнь, и почему-то добавила: «Со своей бы разобраться». Мужчина с медицинской фамилией попросил назвать свои имя и телефон, чтобы в случае необходимости взять у меня письменные показания. Я продиктовала необходимую информацию и попросила удалиться, поскольку мне оставалось спать не больше двух часов.

Уснуть я уже не смогла, поворочалась часок и отправилась в ванную комнату, чтобы перед началом рабочего дня привести себя в порядок.

В предбаннике больницы снова толпились женщины и на повышенных тонах выясняли, кого в отделение должны принять первой. Привычным движением я включила свет, чтобы враждующие стороны видели друг друга в лицо, и отправилась в сестринскую. Когда я переоделась, решила навестить Инну, чтобы узнать, как у неё дела. Подходя к «блатной» палате, вместо стонов или храпа я услышала женский хохот. За дверью смеялась всегда серьезная Светлана Ивановна, Инна рассказывала ей историю, слов которой не было слышно. Мешать женщинам я не стала, отправилась на пост, чтобы оценить объём работы и вскипятить чайник.

Весь день Инна веселила наше отделение, она рассказывала маленькие истории из своей жизни психолога, принесла в сестринскую книгу с рассказами собственного сочинения. Она оказалась очень приветливым и доброжелательным человеком. На следующий день Инне провели ряд обследований и собрали врачей из других отделений для совещания, после которого я увидела тревогу в глазах Светланы Ивановны, но лезть с расспросами не стала. Несколько дней Инне я ставила капельницы и не могла поверить, что вижу перед собой женщину, у которой могут быть проблемы со здоровьем. Только перед выпиской я увидела слезы на глазах пациентки. Получив заключение

врачей, она должна была собрать недостающие анализы, чтобы вернуться в отделение на серьезную полостную операцию. Этот вердикт лег тяжелым испытанием на плечи Светланы Ивановны, которая не понаслышке знала о последствиях такого хирургического вмешательства.

Уходя из отделения, Инна прощаться не стала, всем сказала «до скорой встречи». Только в глазах её доктора были сомнения, что их встреча состоится снова.

(Продолжение следует)

Ариша ЗИМА